16+
Лед и пламя
Настя Орлова

Настя Орлова

Лед и пламя

«Автор»

2021

Орлова Н.

Лед и пламя / Н. Орлова — «Автор», 2021

Быть действующей восемнадцатилетней фигуристкой-одиночницей в России приравнивается к чуду, только я не намерена сдаваться. Пусть у меня пока нет четверных, я не восстановила аксель в три с половиной оборота, а судьи не торопятся раздавать мне авансы – мотивации у меня столько, что я готова в буквальном смысле грызть лед, только бы в новом сезоне вновь занять свое место в сборной. Летом я дала себе обещание – не позволю никому и ничему встать на моем пути к медали чемпионата мира. Зачем же на нем встал новый тренер нашей академии?

© Орлова Н., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 14
Глава 6 17
Глава 7 20
Глава 8 22
Глава 9 25
Глава 10 27
Глава 11 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Настя Орлова
Лед и пламя

Глава
1

С недавних пор я ненавижу вторники. Раньше это был мой любимый день недели, а теперь нет. Почему? Всерьез углубляться в размышления эту тему я себе запрещаю – чересчур болезненно.

На улице уже светло: значит, скоро начнет трезвонить будильник, и мама станет хлопотать на кухне, ожидая меня к завтраку. Только все напрасно. Я уже решила, что сегодня никуда не пойду. Позвоню Виолетте Владимировне и скажу, что лодыжка после неудачного приземления в попытке скрутить четверной лутц все еще болит и что мучивший меня всю прошлую неделю насморк вернулся.

Вообще-то я не лгунья и не обманываю своего тренера, по крайней мере, с тех пор, как мне исполнилось девять, и я поняла, что Виолетта Владимировна щелкает мою ложь как орешки, но сегодня совру – идти на индивидуальное занятие к Никите Сергеевичу Вернеру, новому хореографу нашей академии, я не готова. Точно не после того, что произошло на тренировке в субботу.

Мне нужно время, чтобы проветрить голову и вспомнить о своей главной цели на сезон, которая исключает любые интересы за пределами льда. Я думала, что за два дня изоляции справлюсь, но почему-то не выходит. Не выйдет и с Вернером работать так, словно все в порядке. Знаю себя: я или глупость какую-нибудь скажу, как обычно бывает, когда нервничаю, или буду стыдливо краснеть. Даже не знаю, что из этого хуже.

О, Господи, ну, почему я такая невезучая? Никита Сергеевич пришел в академию еще в прошлом сезоне, но после фиаско на Чемпионате России мне не было никакого дела ни до него, ни до фигурного катания. Почему же сейчас, когда я, наконец-то, чувствую в себе силы бороться со вчерашними юниорками, все изменилось? Ничто ведь не предвещало катастрофы – он просто был где-то рядом на льду, время от времени бросал в мою сторону небрежные замечания и взгляды. И вдруг что-то щелкнуло. Словно свет погас, а потом засияло солнце. И вместе с ним на меня нахлынуло все запретное, сложное, пугающее в своей откровенности. Я вдруг заметила, какие у него потрясающие синие глаза, и что когда он улыбается, на его щеках появляются ямочки, а пахнет от него чем-то дерзким и приятно пряным.

С моих губ срывается стон и, перевернувшись на живот, я стыдливо прячу пылающее лицо в подушку. Я безнадежна. Вся ситуация абсолютно и бесповоротно безнадежна. И я буду медленно гореть в аду за то, что мне вообще пришло в голову грезить о своем тренере, пусть этот тренер хорош как античный бог и всего на шесть лет меня старше.

Настойчивый звонок будильника отвлекает меня от волнительных терзаний. Вытягиваю руку из-под одеяла и нащупываю пластиковый чехол телефона на тумбочке.

7.00

Звонить Виолетте Владимировне, конечно, еще рано, но внутри у меня все в таком напряжении, что затягивать историю с прогулом я тоже не могу – хочу разделаться с враньем прямо сейчас, чтобы весь день проваляться в кровати, предаваясь мечтам о Никите Сергеевиче, его глазах, улыбках, руках и чудесном голосе.

О, черт! Предаваясь мечтам о том, как я вылетаю из Академии за неподобающее поведение, видимо!

Сажусь в позу лотоса на кровати и с внезапной злостью смотрю на телефон. Не буду звонить! Напишу сообщение. «Лодыжка ноет, горло болит, насморк не проходит. Сегодня побуду

дома». Никто, даже известная своей строгостью Виолетта Суворова не станет гнать меня больную на тренировку. Правда?

Пока я не растеряла решимость, снимаю блокировку с телефона и строчу сообщение. Потом с противным ощущением неправильности того, что я сделала, бросаю мобильный обратно на тумбочку и с головой ныряю под одеяло, прячась в душной темноте от своего поступка.

К моему удивлению, телефон начинает трезвонить буквально через тридцать секунд. Нехотя вылезаю из-под одеяла и заглядываю в экран, хотя точно знаю, чье имя там увижу.

Может быть, если я зажмурюсь и сильно-сильно попрошу небеса, тренер перестанет висеть на проводе? И тогда я смогу представить, что ничего этого не было? Это ведь совсем несложно.

Несмотря на мои отчаянные мольбы, мобильный настойчиво шумит, и, в конце концов, я со вздохом снимаю трубку.

– Доброе утро, Виолетта Владимировна. Извините, что написала так рано.

– Брось, я давно не сплю, – раздается в трубке строгий женский голос. – Арина, если лодыжка болит, надо показаться врачу – это же не шутки. Контрольные прокаты на носу.

– Да нет, я думаю, нужно просто немного отдохнуть, дать ноге передышку, – сбивчиво поизношу я. – Знаете, как бывает. Нагружаешь, нагружаешь, а потом…

Когда я нервничаю – обычно огрызаюсь. Это распространяется на всех, кроме Суворовой. Когда я нервничаю в ее присутствии, как правило, начинаю мямлить. Вот прямо как сейчас.

– Услышала тебя, – перебивает меня тренер. – А с горлом что? По голосу и не скажешь, что приболела.

– Ну, ночью у меня был такой приступ кашля, знаете… – сочиняю я находу. – Когда дышать не можешь и…

– Арина, давай откровенно. Есть определенная причина, по которой ты не хочешь приходить сегодня на каток? Я думала, у тебя серьезные намерения побороться в сезоне.

Я судорожно сглатываю. Вот именно поэтому я и не хотела разговаривать с Виолеттой Владимировной. Она обладает поразительной способностью читать меня, как открытую книгу. И ей, конечно, не стоит никакого труда вычислить если не ложь, то наличие у меня скрытых мотивов для пропуска тренировки.

– Причин нет, – отвечаю я смиренно.

– Ладно, давай так поступим, – говорит она уже мягче. – Прийти тебе все-таки придется. Ты же не забыла, что Иванова должна принести тебе и девочкам костюмы на примерку?

Я морщусь и свободной рукой хлопаю себя по лбу. Уму непостижимо, что за своими романтическими фантазиями я напрочь забыла о таком важном мероприятии, как примерка новых соревновательных платьев!

– Если честно, то забыла, – признаюсь я.

– Угу, – произносит Суворова тем самым тоном, который вызывает во мне желание съежится и забиться в угол подальше. – Будем считать, что я тебе напомнила. Что касается тренировки, на лед сегодня можешь не выходить – побережем твою ногу. Позанимаешься с Никитой Сергеевичем в зале. Если болевые ощущения не пройдут – вечером покажем тебя врачу. Договорились?

– Договорились, – бормочу я.

– Значит, до встречи в Академии.

Виолетта Владимировна отключается, а я еще секунд тридцать неподвижно сижу на кровати, гипнотизируя стену напротив.

Говорила же, что я безнадежна.

Глава

2

На дворе теплое августовское утро. В любой другой день, я бы наслаждалась пешей прогулкой, но сегодня все проходит как в тумане – погруженная в душевные переживания, я даже не замечаю, как прохожу двадцатиминутный путь от дома до Академии.

На минуту заглядываю на каток, где под руководством тренера младшей группы оттачивают мастерство десятилетки, а потом иду в раздевалку, где встречаю Дину Смирнову. Несмотря на то, что в коллективе у нас редко бывают скандалы, и большинство фигуристов находятся в приятельских отношениях, только эту кареглазую шатенку я могу назвать своей подругой. Причина проста – она тренируется со мной в одной группе, но выступает за другую страну, поэтому не является моей конкуренткой за место в сборной. А еще она самая возрастная – скоро ей будет двадцать, но когда ты выступаешь за Азербайджан, кататься можно и до тридцати – эксперты и журналисты не будут дружно провожать тебя на пенсию, как это было со мной после неудачи на прошлогоднем Чемпионате России.

– Привет, – звонко здоровается со мной Дина, натягивая спортивные легинсы с логотипом известного бренда.

– Привет, ты сегодня рано, – отвечаю я. – Рвешься в бой?

– Ты же знаешь, у меня контрольные прокаты в Федерации через неделю, – она пожимает плечами. – Вернер обещал меня посмотреть сегодня. Они с Виолеттой Владимировной хотят заменить заход в последнее вращение в моей короткой. Классный он, все-таки, постановщик, да? От своих программ в этом сезоне я в диком восторге. А ты?

– Что я? – неловко переспрашиваю я, ощущая себя не в своей тарелке.

– Он же «Жанну» тебе поставил. Чувствуешь ее?

– Нормальная программа, – говорю я, не желая вдаваться в подробности.

Дина таращится на меня, будто я сморозила величающую глупость.

– Нормальная? – передразнивает она. – Ты серьезно? Я слышала, что Суворова очень хвалила его именно за эту постановку.

– Возможно, – бурчу я, кидая на лавку рюкзак, и пытаюсь сменить тему. – Не знаешь, во сколько Иванова костюмы принесет?

– Виолетта Владимировна говорила, что в одиннадцать, – Дина закрывает свой шкафчик и машет мне рукой. – Ладно, встретимся в зале.

Оставшись в одиночестве, я нехотя переодеваюсь в тренировочный костюм, потом аккуратно складываю вещи, сознательно оттягивая момент, когда придется выйти в коридор и дойти до зала, рискуя столкнуться с кем-то, кого я совсем не готова видеть.

– Привет, Романова, – дверь в раздевалку открывается и в помещение влетает Лиза Ломакина.

Лиза – одна из тех вчерашних юниорок, кого воспитывали в эпоху трикселей и квадов. На тренировках она приземляет и четверные сальхов с тулупом, и тройной аксель – неудивительно, что в сезон она собирается идти с самым убойным контентом среди всех девочек нашей группы.

– Привет, – говорю я вяло.

– Ты не в духе, что ли? – спрашивает она с широкой улыбкой. – Боишься, что я лутцы отпрыгаю лучше, чем ты?

Я закатываю глаза.

– Немного самонадеянно, а?

– Как твоя нога? – интересуется она. – Ты вчера здорово грохнулась.

– Нормально, – раздраженно отвечаю я, не находя в себе сил препираться с болтливой Ломакиной. – Ладно, я пошла.

К счастью, в зале кроме Дины никого не оказывается, да и она не обращает на меня никакого внимания. Я встаю к станку, рассматривая свое отражение в зеркале, и выполняю

несколько простых упражнений, разогревая мышцы. Обычно во время тренировок мой мозг отключается, но сегодня даже здесь меня ждет неудача. Что же такое со мной происходит?

– Ты в порядке? – вздрагиваю от неожиданности, ощутив осторожное прикосновение к своему плечу. – Эй-эй, ты чего? Я не хотела тебя пугать. Я просто звала тебя несколько раз, а ты не отвечаешь.

В ответ на обеспокоенный взгляд Дины, делаю попытку улыбнуться.

– Извини, плохо себя чувствую.

– Говорила тренерам? – спрашивает она сочувственно.

– Договорились с Виолеттой Владимировной, что я сегодня безо льда, – говорю сухо. – Пришла только из-за примерки.

Разговаривая со мной, Дина садится в шпагат и наклоняется вперед.

– В остальном все нормально?

– Да, – я киваю. – Просто никак не могу собрать себя после отпуска.

– Это мне знакомо, – она усмехается. – Я тренируюсь на износ, но этот лишний килограмм, который я нагуляла в отпуске, никак не хочет уходить. У меня из-за этого ось на прыжках уходит.

Я делаю несколько наклонов и сажусь на коврик рядом с Диной. В этот момент дверь в зал открывается, и внутрь заходят Ломакина и Марина Быстрова, а за ними я замечаю до боли знакомую фигуру нашего тренера.

Робкая надежда на то, что я смогу справится со своими эмоциями, лопается, как мыльный пузырь. На мгновение мне кажется, что меня ударили пыльным мешком по голове. Я резко выдыхаю и дергаюсь, словно пытаюсь одновременно убежать и провалиться сквозь землю.

– Эй, да что с тобой? – шипит Дина удивленно.

Ощущая, как пылают мои щеки, я опускаю голову и отчаянно пытаюсь взять себя в руки.

– Доброе утро, девочки, – от низкого густого голоса моя спина покрывается мурашками.

– Здравствуйте, Никита Сергеевич, – вежливо здоровается Дина.

– Здравствуйте, – бормочу я, избегая смотреть на Вернера, который долгое время был для меня лишь наставником и опорой, а теперь вдруг стал героем моих фантазий.

– Арина? – звучит прямо над моим ухом. – Ты в порядке?

Нет, я не в порядке!

– Прекрасно себя чувствую, – отвечаю я, не отрывая глаз от паркета.

Дина сдавленно усмехается, как бы подтверждая мою теорию, что мне противопоказано лгать, но потом происходит нечто еще более ужасное – я ощущаю руку Никиты Сергеевича на своем плече. На долю секунды мне кажется, что я сплю, настолько острыми оказываются мои ощущения от банального прикосновения. Сердце начинает учащенно биться, а тело – гореть в самых неожиданных местах. Этого оказывается достаточно, чтобы вывести меня из состояния оцепенения. Я дергаю плечом, сбрасывая с себя руку Вернера, и вскакиваю на ноги, не смея встретится с ним взглядом.

– Извините, – выдыхаю я, потрясенная новизной переполняющих меня чувств. – Мне нужно выйти.

Вылетев из зала, я хлопаю дверью и приваливаюсь к ней спиной, судорожно глотая воздух.

Фигурное катание – моя жизнь. Как же я буду тренироваться дальше, если не могу даже в одной комнате находиться с Вернером, чтобы в больном воображении не возникло каких-нибудь фантазий о том, как он прижимает меня к себе, а его руки скользят по моему телу совсем не так, как того позволяют правила приличия и профессиональный этический кодекс?

Глава 3

– Арина? – удивленный голос Виолетты Владимировны заставляет меня встрепенуться и вытянуться у двери едва ли не по стойке смирно. – Ты что тут делаешь?

– Я… – работай мозг, работай, мысленно молюсь я. – Я иду в туалет.

Тренер подходит ближе и изучающим взглядом карих глаз сканирует мое лицо. Она вдруг хмурится, но вместо ожидаемой отповеди, я слышу обеспокоенное:

– Похоже, мне действительно надо было дать тебе отлежаться дома. Температуры нет? У тебя лицо пылает.

– Температуры нет, – бормочу я.

– Знаешь что? Занятий на сегодня достаточно, – она смотрит на мой тренировочный костюм, потом переводит взгляд на дорогие часы на своем запястье. – Ксения Иванова привезет платья через полчаса. Посиди пока в моем кабинете, там открыто, а я поздороваюсь с ребятами в зале и приду.

Получив желанную передышку, я послушно киваю и, не теряя времени, спешу по коридору в кабинет Виолетты Владимировны. Там обессилено сажусь на кожаный диван и откидываю голову на спинку, отчаянно пытаясь найти выход из сложившейся ситуации.

Выхода, по крайней мере, очевидного, я не вижу. Вернер на катке каждый день за исключением понедельника. Мне нужно тренироваться и набирать форму к предстоящим стартам, а я даже думать боюсь о том, чтобы оказаться с ним в одном помещении. Бред какой-то. Скажи мне кто неделю назад, что подобное произойдет со мной – я бы покрутила пальцем у виска и продолжила заниматься своими делами, а теперь вот как все обернулось.

С печальным вздохом прикрываю веки и позволяю себе мысленно перенестись в ту самую субботу, с которой все пошло наперекосяк.

Утро не задалось с самого начала. За завтраком я пролила на себя полную чашку чая, и мне пришлось переодеваться, рискуя опоздать на тренировку. Презрев прогноз погоды, я не взяла зонт, но уже на полпути начался дождь. А у самого входа в Академию я стала невольным свидетелем страстных объятий Вернера с высокой блондинкой, чей силуэт показался мне смутно знакомым.

Я всю жизнь терпеть не могла сплетни и всегда тактично удалялась, когда разговор в раздевалке заходил о том, кто с кем встречается. Но даже я знала, что молодой тренер нашей группы пользуется повышенным вниманием представительниц слабого пола. Меня это никогда не интересовало, но в этот день мысль о том, что у него есть подружка, странным образом меня задела.

Позже на тренировке я непривычно долго раскатывалась, пытаясь отогнать от себя будоражащие образы Вернера в объятиях блондинки, пока Виолетта Владимировна не крикнула мне, не желаю ли я перейти в танцы, раз идея делать прыжки мне так неприятна. В итоге, я шлепнулась с первого же лутца. Потом сделала степаут на акселе и почти оборот не докрутила в любимом каскаде с риттбергером. В расстроенных чувствах я подъехала к бортику и выслушала от тренера лекцию о концентрации и приоритетах, а когда Суворова ушла с катка, долго сидела на скамейке, перешнуровывая коньки. По непонятной причине все валилось из рук. И настроение было – нарушить диету и вместо разучивания связок из новой произвольной программы пойти домой и включить на ноутбуке какую-нибудь слезливую мелодраму. Так было ровно до того момента, как рядом со мной на скамейку опустился Никита Сергеевич и предложил свою помощь.

Не знаю, что именно так потрясло меня – его неожиданное появление, защекотавший ноздри приятных запах одеколона или выражение искреннего сочувствия в глазах, обычно

светившихся насмешкой, но я вдруг осознала, что рядом со мной сидит не просто начинающий тренер, а привлекательный мужчина.

Во время тренировок Вернер любил повторять, что бабочки должны быть не на льду, имея ввиду сорванные прыжки в один оборот, а в животе. И в тот миг я впервые на собственном опыте осознала смысл его слов: от его близости у меня внутри неистово забили крыльями сотни, тысячи бабочек, а волна ранее неизведанных чувств стала накатывать с угрожающей скоростью, грозя смести все на своем пути.

Резко открыв глаза, я поднимаюсь с дивана и иду к окну, с тоской глядя на дивное теплое утро. Мне вдруг отчаянно хочется оказаться там, на улице, так далеко от Академии фигурного катания насколько это вообще возможно. Подальше от внезапных чувств, сложностей и выбора, который нужно сделать, если я хочу продолжать свою профессиональную карьеру. И ведь всего-то нужно выйти из этого кабинета, взять из раздевалки свой рюкзак и уйти, не оглядываясь. И, возможно, тогда все станет проще.

В Академии я тренируюсь с четырех лет. Весь путь с первых детских соревнований до серьезных юниорских и взрослых побед я прошла бок о бок с Суворовой. Неужели сейчас, из-за глупой влюбленности в младшего тренера, позволю себе перечеркнуть все, что связывает меня с этим местом и людьми, и уйти вникуда? Я не дура, понимаю, что этот сезон – мой единственный шанс вернуться в сборную. В следующем году из юниоров выйдут новые трикселистки и квадистки, и в лучшем случае мне светит замыкать пятерку на любом домашнем старте, а об отборе на чемпионаты Европы и мира можно вообще забыть. Готова ли я отказаться от своей мечты из-за некстати разбушевавшихся гормонов?

Прижимаюсь разгоряченным лбом к прохладному стеклу и глубоко дышу. Должен быть какой-то выход. Возможно, стоит просто переждать эту критическую фазу новизны чувств, и вскоре все опять войдет в привычную колею?

А если нет?

Глава 4

Мое платье для короткой программы восхитительно. Когда наш дизайнер Ксения Иванова обсуждала со мной и Виолеттой Владимировной эскиз у меня были сомнения относительно фасона. Но сейчас, разглядывая себя в зеркале, я настолько довольна результатом, что на какое-то время забываю о свалившихся на меня любовных переживаний.

Моя короткая программа поставлена на музыку из фильма «Жанна Д'Арк» Люка Бессона, поэтому наряд сшит из ткани цвета расплавленного серебра и украшен блестками по фактуре напоминающими звенья кольчуги. С длинными рукавами, высоким воротом и короткой юбкой с разрезами по бокам платье выглядит крайне необычно. Такие скромные фасоны носили на льду в прошлом веке, но, странным образом, сейчас оно смотрится крайне актуально и свежо.

– Крутое платье! – в кабинет Суворовой, где я примеряюсь, заглядывает самый возрастной фигурист нашей группы Ваня Леонов. Оборачиваюсь к нему как раз тогда, когда он театрально хватается за сердце. – Пощади меня, Жанна!

Широко улыбаюсь парню и показываю язык.

– Ты не видела Виолетту Владимировну? – спрашивает Ваня.

– Я думала она на льду вместе с девочками. Сегодня у многих примерки и тестовые прогоны.

– Нет, ни ее, ни Никиты Сергеевича там нет.

Имя Вернера, невзначай произнесенное Леоновым, делает со мной странную штуку. Сердце екает, а потом начинает биться быстро-быстро, а в животе разливается приятное тепло. Ох, черт, ну когда это прекратится?

– Извини, – стараясь не выдать своего волнения, я качаю головой. – Не видела никого из них минут сорок.

– Ладно, – Ваня задорно улыбается и, уже уделяясь, подмигивает мне: – А платье на самом деле очень классное.

Оставшись одна, я еще какое-то время изучаю свое отражение в зеркале, но на этот раз мое внимание приковано не к искусному наряду, а к бледному лицу, на котором выделяются темные тени под глазами – неоспоримое свидетельство беспокойных ночей. Неудивительно, что все вокруг интересуются моим самочувствием.

Глубоко вздыхаю и приглаживаю волосы на макушке. Так нельзя, Арина, говорю сама себе. Трусихой ты никогда не была, а значит, своим страхам пришло время посмотреть прямо в лицо.

Вздергиваю подбородок и натужно улыбаюсь своему отражению, а потом, уповая на смелость, которой на самом деле не чувствую, выхожу из кабинета и иду в раздевалку за коньками и теплой олимпийкой.

Каток в этот обеденный час забит фигуристами нашей группы. До контрольных прокатов остается всего пара недель, поэтому все работают в усиленном режиме. Стайкой кружатся в уголке девчонки-новисы, главная юниорская надежда сезона Зара Бархатова один за другим прыгает каскады, Ломакина и Быстрова в новых соревновательных платьях тренируют вращения и дорожки. Даже Ваня здесь – о чем-то живо переговаривается с одним из младших тренеров.

Не заметив на льду Вернера, я испытываю мгновенное облегчение. Это глупо, потому что скоро он обязательно появится здесь, но даже такая маленькая отсрочка бальзамом проливается на мои напряженные нервы.

Сняв с лезвий коньков чехлы, я ступаю на лед и, набирая скорость, еду вдоль бортиков. Немного разогревшись, снимаю олимпийку и подъезжаю к калитке, чтобы положить ее на скамейку. И именно в этот момент на каток заходят Виолетта Владимировна и… он.

Застываю с курткой в руках, словно меня поймали на месте преступления, и взглядом кролика, загипнотизированного удавом, смотрю на тренеров.

– Арина? – Суворова удивленно вскидывает брови. – Я думала, мы договорились, что ты сегодня не выходишь на лед.

– Я… Я решила немного покататься в платье, чтобы убедиться, что ничего не мешает, – сбивчиво объясняю я. – К тому же, нога совсем не болит, честное слово. Можно даже попрыгать.

Виолетта Владимировна удовлетворенно улыбается, а я внезапно узнаю это выражение на ее лице. Она ведь нарочно сказала мне не кататься, только чтобы посмотреть на мою реакцию! Раньше ничто, ни распухшая коленка, ни ноющая лодыжка не могли удержать меня вдали от катка. И маленькая проверка, которую она устроила мне сегодня, доказала ей, что я не опустила руки и не сдалась.

Выпустив, наконец, олимпийку из рук, я оставляю ее на скамейке, а сама возвращаюсь на лед, но еще до того, как успеваю отъехать от бортика, слышу небрежное:

– Красивое платье, – сказанное низким голосом Вернера.

От его слов по спине ползут мурашки, а коленки становятся словно ватными. Сделав вид, что не услышала его, я, не оборачиваясь, мчусь на противоположную сторону катка, надеясь там отыскать вмиг потерянное самообладание.

Я думала, что сохранить свои чувства в тайне будет сложно? Сейчас мне кажется, что это невозможно!

Несмотря на хаос в чувствах, лед все же помогает мне прочистить голову. Сосредоточившись на базовых прыжках и шагах, я вскоре нащупываю нужный ритм для тренировки. К бортику, у которого стоят тренеры, больше не подъезжаю, но, когда раздаются первые аккорды музыки из моей короткой программы, я встаю в исходную позицию и механически повторяю трехминутную историю Жанны на льду от начала до конца, делая лишь несколько незначительных помарок.

Удивительно, конечно, – мое тело так хорошо помнит и делает то, о чем мозг вообще не может думать…

– Романова! – резкий окрик Виолетты Владимировны возвращает меня к реальности.

Я смотрю на Суворову и покорно киваю, когда она махом руки велит мне ехать к бортику, за которым разместился весь тренерский штаб, включая Никиту Сергеевича.

Ну что ему, сложно выйти? В туалет сходить? Или потрепаться по телефону со своей блондинкой? Обязательно быть здесь постоянно?

– Арина, тебе особое приглашение нужно? – прикрикивает на меня Виолетта Владимировна, когда видит, что я не тороплюсь выполнять ее указание. – Быстрова, ты следующая!

Я вздыхаю и, ощущая на себе десятки взглядов, плетусь к бортику. О да, прилюдная моральная порка Суворовой – как раз то, чего мне сегодня не хватает.

– Слушай, – говорит мне тренер, когда я останавливаюсь в метре от нее. – На сегодня тренировку ты закончила. Я не знаю, что с тобой происходит, но ты, уж пожалуйста, выкинь эту ерунду из головы. Если ты, конечно, еще намерена соревноваться в этом сезоне.

– Я намерена, – шепчу я, не смея оторвать глаза от носков своих ботинок.

– Сегодня проехала сносно. Для робота. Завтра постарайся вложить в прокат хоть немного эмоций. Переодевайся и иди на обед. Вечером танцевальное занятие у Зайцева, если ты соберешься почтить нас своим присутствием.

Я киваю.

– Да, Виолетта Владимировна, – шепчу я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы обиды.

Не теряю больше ни секунды: хватаю со скамейки свою олимпийку, надеваю чехлы на коньки и иду к выходу. Правда, успеваю сделать лишь несколько шагов по коридору, как за спиной хлопает дверь.

– Арина, ты помнишь, что моя сестра ждет тебя сегодня на ужин? – внезапно раздается голос Вернера.

Я растерянно моргаю и резко разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, встречая насмешливый взгляд серых глаз.

Мой самоконтроль начинает таять, как мороженое на солнце.

– Я… Простите, Никита Сергеевич, я забыла, – бормочу я. – Я сама позвоню Светлане и извинюсь.

– У тебя другие планы? – спрашивает он.

Скажи «да», скажи «да».

– Эээ… Да, – произношу я неуверенно, теряясь под его изучающим взглядом. – Да, то есть, нет. Но я не планировала сегодня задерживаться. Я не одета для гостей. И маму не предупредила.

Вернер хмурится и засовывает руки в карманы своих модных выцветших джинсов.

– Ты уверена, что у тебя все в порядке? – внезапно спрашивает он. – Крайне странно ведешь себя сегодня. Если нужно, маме твоей могу сам позвонить и объяснить причину твоей задержки. Спортивный костюм вполне достоин аудиенции у нас дома. Что касается планов – ты же сама хотела посмотреть фильм и разобрать образ Жанны Д'Арк со Светой. Или нет?

– Да, – признаюсь я.

– Значит, ужин остается в силе?

Я нехотя киваю.

– Хочешь, дождусь окончания тренировки у Зайцева, и отвезу к сестре?

Что? ЧТО? Провести кучу времени в замкнутом пространстве его машины? Вот уж, спасибо!

– Нет! – отрезаю я. – Уверена, у вас много других дел. А я хотела успеть встретиться с подружкой, которая недавно прихала.

– Ну, как хочешь, – Вернер равнодушно пожимает плечами. – Увидимся позже, Романова.

Жду не дождусь, с совершенно несвойственным мне сарказмом думаю про себя, глядя на удаляющуюся по коридору фигуру.

Глава 5

Со Светланой Вернер, преподавателем по актерскому мастерству, я познакомилась задолго до того, как Никита Сергеевич пришел в нашу группу в качестве тренера. На протяжении последних нескольких лет она несколько раз в сезон приходила в Академию и проводила для фигуристов индивидуальные занятия. Инициатива подобных встреч, как правило, принадлежала Виолетте Владимировне – она считала, что профессионал поможет нам лучше передать характер героев на льду. За свою пока еще недолгую карьеру я выступала в образах Джульетты, Наташи Ростовой и Черного лебедя. Но ни с одной из этих героинь мне не было настолько сложно, как с Жанной Д'Арк, поэтому на этот раз именно я инициировала встречу со Светланой. Правда, это произошло задолго до того, как я потеряла покой и сон, влюбившись в ее младшего брата.

На часах половина восьмого. На улице уже темно, и мое такси давно уехало, оставив меня возле дома, где располагается квартира Светланы, а я все стою, переминаясь с ноги на ногу, и не решаюсь зайти в подъезд. Я очень люблю занятия со старшей Вернер. И, учитывая мои планы на сезон, они мне необходимы. Но как же я смогу как ни в чем ни бывало работать с ней теперь, когда все стало так сложно? Что если она узнает правду о моих чувствах к Никите Сергеевичу? Что если о них узнает он? Это ведь неэтично встречаться со своим педагогом?

Невесело усмехаюсь и одергиваю себя. Неужели я всерьез допускаю мысль, что Вернер может захотеть встречаться со мной? Да он будет настолько шокирован, если все поймет, что не подойдет ко мне ближе, чем на километр! Это я сошла с ума от любви, а он наверняка знаком с основами профессиональной этики.

Внезапно мне становится грустно от этой мысли. Я представила, какими напряженными теперь будут наши отношения. И с тоской осознала, что больше никогда не смогу как раньше проговорить с ним или попросить совет, а любое его прикосновение, будь то напутствие перед прокатом или часть тренировочного процесса, теперь всегда будет отзываться во мне болью несбыточного…

К счастью, Никита Сергеевич в квартире Светланы отсутствует. Видимо, задержался в объятиях своей блондинки, раздраженно думаю я. А с другой стороны, зачем ему приходить? Уж точно не для того, чтобы увидеть меня, да и с его сестрой мы обычно разбираем программы в приватной обстановке. Это все его предложение подвезти меня сбило меня с толку.

После приветствий и объятий Света по привычке дает мне комнатные тапочки и приглашает на кухню:

– Я заварила чай, Ариш. Пойдем, расскажешь мне, как твои дела.

Отказавшись от предложенной шоколадки, я делаю глоток чая и ловлю на себе внимательный взгляд педагога.

– Ну, как тебе новые программы? Никита говорил, что в произвольной ты себя чувствуешь более органично, чем в короткой.

– Это правда, – признаюсь я. – В короткой и сам образ, и музыка очень сложные.

– Ну, ничего удивительного. Рассказывать историю воительницы, которую одни считали святой, а другие ведьмой, это не самая простая задача, если мы говорим об эмоциональной составляющей программы.

– Просто… Виолетта Владимировна говорит, что я катаю как робот. Что я должна раскрыться, чтобы зрители и судьи поверили, что я могу повести за собой легионы воинов, что меня могут любить абсолютно и безоговорочно.

– Ох, Ариша, – Светлана добродушно усмехается. – В этом я с ней согласна, и несогласна тоже. Твое очарование – в твоей скромности и искреннем непонимании своей силы. Поэтому и Жанна Д'Арк из тебя получится совершенно особенная. Но то, что ты уже сейчас, несмотря

на юный возраст, можешь, если не вести за собой войска, то завоевывать мужские сердца – в этом у меня нет ни малейшего сомнения.

Ощущаю, как от этих слов мои щеки заливает жаркий румянец. Интересно, что бы подумала старшая Вернер, если бы узнала, что я мечтаю завоевать только одно сердце – сердце ее брата.

Какое-то время мы молча пьем чай. Потом женщина выходит из кухни и через несколько минут возвращается с ноутбуком.

– Давай посмотрим на твою Жанну, – предлагает она, открывая крышку ноутбука.

Следующие полчаса мы смотрим отрывки из фильма, слушаем музыкальную нарезку Никиты Сергеевича для моей программы и разбираем, какую сцену и эмоцию можно переложить на то или иное движение. Работа так захватывает меня, что я совершенно теряю счет времени и возвращаюсь к реальности лишь тогда, когда в коридоре слышится звук захлопнувшейся двери и приближающиеся шаги.

– Никита пришел, – с улыбкой говорит Светлана, вставая со стула и раскрывая объятия для встречи любимого брата.

Я же в это время с особым вниманием изучаю узор на скатерти, чтобы невзначай не встретиться с Вернером взглядом и не последовать примеру его сестры. Вот бы он удивился, если бы я бросилась ему в объятия!

– Ну, как идут дела? – спрашивает он, непринужденно опускаясь на свободный стул рядом со мной.

– Все хорошо, – отвечаю я кратко, изо всех сил стараясь спрятать предательскую дрожь в голосе, вызванную его появлением.

– Я просто старалась донести до Арины, что ей вовсе не надо играть роль Жанны – покорительницы сердец, потому что покорять сердца она может и сама, – приходит мне на помощь Светлана. – Ей нужно просто понять мотивы героини и все пойдет как по маслу. Внутренний огонь, какой есть у Жанны Д'Арк, горит и в ней самой. Согласен?

– Абсолютно, – слышу уверенный ответ тренера, а в следующий миг ощущаю его руку на своей спине.

В этом прикосновении нет ничего особенного – простое дружеское похлопывание, каким он награждал меня тысячи раз до этого вечера. Но только на этот раз каждая клеточка моего тела отзывается на этот жест. Я замираю, даже, наверное, перестаю дышать, совершенно ошалевшая от нахлынувших на меня чувств, но Никита Сергеевич убирает руку так же быстро и неожиданно, как положил ее, и я едва не кричу от разочарования и желания продлить это прикосновение еще хоть на мгновение.

– Никит, ты голоден? – между тем спрашивает Светлана.

– Нет, спасибо, я поужинал с другом.

«С подругой», мысленно поправляю я, и сама поражаюсь острой вспышке ревности, пронзившей меня в этот момент.

Ох, Романова, пора заканчивать этот фарс.

– Может, хотя бы чай с нами выпьешь? – спрашивает Светлана у брата.

– Чай выпью с удовольствием. И даже от сладкого не откажусь, – подмигнув мне, он тут же отправляет в рот кусочек шоколадки.

Если бы он сказал что-то подобное неделю назад, я бы наверное показала ему язык или ткнула локтем под ребро. Неделю назад все между нами было очень просто. Сейчас же я сижу, словно набрав в рот воды, и, чтобы не встречаться с Вернером взглядом, смотрю в полупустую чашку с давно остывшим чаем.

Пока Светлана повторно кипятит воду и накрывает на стол, они с Никитой Сергеевичем обсуждают какие-то не очень интересные мне перестановки в ФФКР и интересную премьеру

нового спектакля в «Большом». Я же все это время сижу молча, украдкой бросая взгляды на тренера.

И почему только он так хорош?

Неприлично хорош, если вы спросите меня.

Одетый в простую белую футболку и потертые джинсы, он выглядит очень стильно, очень молодо и очень… очень сексуально.

Боясь поднять голову и встретиться с ним взглядом, я ограничиваю игру «в гляделки» его широкой грудью. Потом опускаю глаза на стол, на котором лежат его руки.

У него такие красивые руки! В меру мускулистые, сильные, крепкие, с прожилками выступающих вен, длинными пальцами и аккуратно подстриженными ногтями. Эти руки много раз были перед моими глазами, как только я раньше не замечала всего этого?

Чувствуя, что моя неуемная фантазия вновь заводит меня куда-то не туда, я отодвигаю от себя чашку, беру в руки телефон и встаю со стула.

– Светлана, мне пора, – говорю я. – Спасибо вам большое за помощь.

– Подожди! – вмешивается Никита Сергеевич, делая глоток из своей чашки. – Уже поздно. Дай мне десять минут, я отвезу тебя.

– Спасибо, но я лучше вызову такси, – возражаю я.

– Арина, что за глупости?

– Это не глупости, Никита Сергеевич, – упрямлюсь я. – Вы только что приехали, а я взрослая девочка и вполне могу добраться домой на такси.

– Мне все равно ехать в твою сторону, – говорит он безапелляционно.

Раз в мою сторону – значит не домой, тоскливо отмечаю про себя, потому что его квартира в противоположной от меня стороне. Цепкие когти ревности вновь подают признаки жизни, неприятно царапая меня изнутри.

С неожиданной решимостью я снимаю блокировку с телефона и открываю приложение. Я поеду на такси, а он пусть едет к своей пассии в одиночестве. Не успеваю я подтвердить заказ, как мой телефон оказывается выхваченным из рук.

– Да что с тобой такое? – не скрывая удивления, произносит Вернер.

Нехотя поднимаю на него глаза. На его лице читается искреннее недоумение и… волнение. Волнение за меня.

Вся моя злость мгновенно улетучивается, и я чувствую себя просто неблагодарной дрянью. Он же не виноват, что я влюбилась, и больше не могу смотреть на него без желания придвинутся поближе. Он же не виноват, что я вдруг стала ненавидеть всех его подруг, и одна мысль о нем в объятиях других девушек вызывает во мне ярость, силу которой я до конца даже не осознаю. В конце концов, он же не виноват, что он настолько хороший учитель и друг, что он искренне переживает и волнуется за меня и готов сделать все, чтобы я была в безопасности.

– Ариш, в самом деле, посиди еще немного, – вмешивается в разговор Светлана. – Ты же понимаешь, что Никита тебя не отпустит. Да и ехать на такси в такой ситуации совсем неразумно.

Я медленно опускаюсь на стул, признавая поражение. Добившись своего, Вернер возвращает мне телефон и спокойно продолжает пить чай, но по его напряженной фигуре и нахмуренным бровям я понимаю, что настроение я ему изрядно подпортила.

Ну и пусть! В конце концов, я тоже не в восторге от происходящего.

Глава 6

С тех пор, как мы ушли от Светланы, ни я, ни Никита Сергеевич не сделали ни единой попытки завязать разговор. Поэтому салон автомобиля, который движется в общем потоке по ночной Москве, погружен в напряженную тишину.

Я невидящим взглядом смотрю в окно на проносящиеся мимо огни, которые сливаются в одну светящуюся картинку. Он сосредоточенно ведет машину, небрежно барабаня пальцами по кожаному рулю.

Низко урчит мотор. В салоне тепло и приятно пахнет пряным одеколоном и кожей. И в другой ситуации я бы получила удовольствие от этого вечера. Но я так зажата, что боюсь даже дышать, а по напряженному профилю, сжатым губам и бесстрастному выражению лица Вернера очевидно, что он тоже не в духе. И я почти не могу поверить в то, что причиной его дурного настроения являюсь я сама.

Дорога от дома его сестры до квартиры, в которой живем мы с мамой, занимает не больше получаса. И все это время мы проводим в отчуждении.

Из моей груди вырывается непроизвольный вздох, который не остается незамеченным Вернером. Он бросает на меня быстрый взгляд, но, ничего не сказав, вновь фокусируется на дороге.

А ведь раньше нам было так комфортно в обществе друг друга! Всегда находились темы для разговоров. Всегда было место для дружеских подколов и шуток. Сейчас же напряжение в воздухе можно едва ли не пощупать, настолько явным оно кажется в замкнутом пространстве автомобиля.

Неожиданно я вспоминаю, как месяц назад он вот так же подвозил меня домой после поздней тренировки. Мы оживленно болтали: я увлеченно рассказывала ему про новые игрушки для своей собаки, а он подтрунивал над моей неуемной любовью к животным, на которых я спускала астрономические суммы.

От этого воспоминания мои губы, помимо воли, растягиваются в легкой улыбке.

– Я бы многое отдал, чтобы узнать, о чем ты сейчас думаешь, – вдруг говорит Вернер.

Погруженная в свои мысли, я даже не замечаю, что мы проделали весь путь до моего дома, машина сбросила скорость и теперь медленно едет по переулку.

Мои щеки начинают гореть, а язык словно прилип к гортани – какое счастье, что в салоне темно и мой спутник не может разглядеть меня как следует.

Когда Никита Сергеевич сворачивает во двор и аккуратно паркуется у бордюра, я отстегиваю ремень безопасности и берусь за ручку двери – всего несколько секунд и все закончится, думаю я с облегчением. Но моим планам не суждено сбыться.

Вернер щелкает по кнопке центральной блокировки дверей и с нажимом произносит:

– Давай, Арина, выкладывай, что там у тебя случилось. И не говори «ничего», я достаточно хорошо тебя знаю, чтобы понимать – ты чем-то серьезно обеспокоена.

– Никита Сергеевич, сколько можно повторять одно и то же? Со мной все хорошо, – отвечая на его вопрос, я заставляю себя говорить твердым сдержанным тоном, но мои руки так дрожат, что мне приходится сжать их в кулаки, отчего ногти больно впиваются в ладони.

Вернер выразительно закатывает глаза, потом складывает руки на груди и разворачивается ко мне всем корпусом.

– Я не выпущу тебя, пока ты не скажешь, что с тобой происходит.

– Тогда, надеюсь, вы взяли с собой туалетные принадлежности, потому что ждать придется долго, – с поразившим меня саму сарказмом, выпаливаю я, демонстративно повторяя его движение и складывая руки на груди.

Он непонимающе сдвигает брови, но когда до него доходит смысл моих слов, он издает отрывистый смешок, а потом искренне смеется.

– Романова, и где же ты раньше прятала свой острый язычок? – спрашивает он.

– Видимо там же, где вы спрятали свои хорошие манеры, Никита Сергеевич, – огрызаюсь я, сохраняя бесстрастное выражение лица. – Запереть меня в машине, чтобы утолить свое любопытство – просто верх галантности.

Моя отповедь приводит его в ступор. Я вижу, как на красивом лице сменяются эмоции. Сначала исчезает улыбка, потом появляется растерянность и, видимо, сожаление. Он протягивает руку и нажимает на кнопку. Замки щелкают, и я понимаю, что свободна.

– Арин, прости, – с искренним раскаянием в голосе произносит он. – Я не хотел обидеть тебя. Ты же знаешь, я волнуюсь и хочу помочь.

Я вздыхаю и откидываюсь на сидение, ощущая себя ребячливой склочницей.

– Вы меня тоже извините, – шепчу я.

Внезапно на глаза наворачиваются непрошеные слезы и чтобы спрятать их, я сцепляю руки и начинаю крутить простенькое колечко на пальце – подарок родителей на восемнадцатилетние.

– Совсем плохо? – тихо спрашивает Вернер, неожиданно накрывая мои холодные руки своей теплой ладонью.

Вместо ответа я качаю головой, отчаянно моргая, чтобы не дать слезам пролиться.

От его руки идет такое тепло, такая сила и уверенность, что на мгновение, на одно короткое мгновение, я позволяю себе расслабиться и насладиться этим целомудренным прикосновением.

Тем временем, он легонько сжимает мои ладони, как бы выражая поддержку и одновременно удерживая их на месте. Его свободная рука приподнимается, и в следующее мгновение я ощущаю прикосновение его пальцев к своему подбородку.

Тренер вынуждает меня поднять взгляд, и я робко подчиняюсь.

– Что-то случилось дома? – спрашивает он спокойно.

Я качаю головой.

– В университете?

Я вновь отрицательно мотаю головой.

– Кто-то обидел тебя в нашей группе?

Снова нет.

– Я тебя обидел?

– Нет, конечно, – шепчу я, опуская глаза, не в силах дольше выносить его явное сочувствие, но продолжаю ощущать на себе его внимательный взгляд, прожигающий меня насквозь.

Он тяжело вздыхает. Потом откидывается в своем кресле и запускает пальцы в волосы – он делает так, только когда волнуется, я знаю. А волнуется он крайне редко.

– Ты… – на секунду он замолкает. – Ты влюбилась? – продолжает тихо, вновь ероша волосы на затылке и, тем самым, выдавая свою нервозность. – Блин, я убью урода, который посмел обидеть тебя!

Я столбенею. Но самое ужасное в том, что еще до того, как я понимаю, что он имеет в виду влюбленность не в себя, а в какого-то гипотетического парня, я успеваю охнуть и покраснеть, тем самым подтверждая его догадку.

Вернер с неожиданной яростью бьет кулаком в центр руля, отчего машина жалобно пищит. А выражение его лица, мрачное и пугающее, ошеломляет меня.

– Слушай, – говорит он, явно чувствуя себя не в своей тарелке. – Я не очень знаю, как там у вас девушек это происходит и что говорить в таких случаях, но поверь мне, он не стоит твоих переживаний.

Вместо ответа я лишь печально усмехаюсь. Боже, сколько злой иронии в этом разговоре, да и во всей ситуации!

– Да он просто дурак, – с внезапной злостью бросает он. – Кто бы он ни был – он не стоит и сотой доли твоих переживаний, Арина.

– Правда? – даже не пытаясь скрыть сарказма в голосе, спрашиваю я.

– Поверь мне, – он слегка подается вперед и берет меня за плечи обеими руками. Его напряженный взгляд пронизывает меня насквозь: – Я не буду сейчас выпытывать у тебя подробности – как бы мне ни хотелось прибить негодяя, посмевшего тебя обидеть, это не мое дело. Просто пообещай мне, что ты не будешь делать глупости. И если тебе понадобится дружеский совет, ты придешь ко мне.

На несколько секунд в салоне вновь воцаряется тишина. Я впервые за вечер позволяю себе открыто встретиться взглядом с Никитой Сергеевичем.

– Я обещаю, – шепчу я, отрывисто кивая головой.

Мой ответ машинальный и заведомо лживый; но ничего другого в данной ситуации я сказать не могу.

Вернер удовлетворенно улыбается, а потом вдруг прижимает меня к себе. Ох…

Ох.

Ох.

Если бы только я могла передать словами те совершенно бешеные эмоции, затопившие меня в этот момент. Его восхитительный запах, в котором перемешались ароматы чистого тела и дорого парфюма, отравил мои легкие. Помимо воли, я придвигаюсь ближе и утыкаюсь носом в крепкое плечо, чтобы вдохнуть этот запах глубже, запомнить его, сохранить. Чувствую, как кровь приливает к щекам, как приятное тепло растекается где-то в районе живота и как сердце пускается в пляс, очарованное этой внезапной, но такой желанной близостью.

Внезапно я очень жалею, что не настояла на такси. Я могла бы показаться Никите Сергеевичу и Светлане неблагодарной стервой, но зато я бы не боролась сейчас с этим дьявольским искушением поднять свои руки и обнять его, провести ладонями по его спине, сжать плечи… Оставаясь с Вернером наедине, я играла с огнем, а пожарных расчетов рядом не было.

– Все будет хорошо.

Это были последние слова сказанные им прежде, чем я высвобождаюсь из его объятий и выскакиваю из машины.

Я знаю, что он следит за мной, пока я иду к подъезду. Моя безопасность, безопасность любого из его подопечных всегда для него в приоритете. Несмотря на достаточно молодой для тренера возраст, он очень ответственно относится к своим обязанностям наставника и старшего товарища. В любой поездке, на любых сборах, на каждых соревнованиях мы все чувствуем его надежное плечо, на которое можно опереться в случае неудачи. Это вновь заставляет меня испытать тоску по тем временам, когда в наших взаимоотношениях не были замешаны мои чувства.

Я открываю входную дверь в подъезд электронным ключом и, несмотря на то, что мне очень хочется обернуться и посмотреть на Никиту Сергеевича еще раз, я сдерживаю этот порыв. Прошмыгнув в подъезд, закрываю за собой дверь и только тогда слышу низкий шум мотора и звук отъезжающей машины.

Глава 7

Не знаю как, но я умудряюсь прожить остаток недели без особых потерь. В финале сумасшедшего дня, когда Никита Сергеевич вообразил, что я страдаю из-за неразделенной любви к мифическому парню, я несколько часов ворочаюсь в постели, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации. На ум приходят театральные жесты вроде ухода из группы Суворовой, чтобы не компрометировать всю команду, и поиска фейкового молодого человека, чтобы при случае предъявить его Вернеру, но я понимаю, что не сделаю ни того, ни другого.

До контрольных прокатов в Сочи остается чуть меньше недели, и тренерский штаб здорово нагружает нас тренировками. Несмотря на ночи, которые я провожу в мечтах о Вернере, днем я вполне успешно включаю режим спортивного робота и на льду выкладываюсь на сто процентов. Виолетту Владимировну по-прежнему не устраивает компонентная часть моих программ, но даже она отмечает, что в техническом плане я настолько хороша, что есть шансы вернуть в свой арсенал тройной аксель, который я не прыгала с шестнадцати.

После памятного разговора в машине Никита Сергеевич сильно ко мне не придирается. На тренировках он предельно корректен, а свободного времени перед началом сезона ни у кого из нас практически нет: он доводит до совершенства программы фигуристов нашей группы, а я занята прыжками и повторениями хореографических связок. Наедине мы больше не остаемся. Правда, несколько раз я ловлю на себе его изучающий взгляд, но он отводит глаза, как только замечает, что я тоже смотрю на него. Порой у меня создается ощущение, что ему некомфортно в моем обществе, но, справедливости ради, я и не просила его лезть мне в душу, так что сам виноват!

Мне, конечно, непросто в новой реальности, но я приспособилась сдерживать романтические порывы и вовремя отворачиваться, когда Вернер входит в помещение, а мое сердце начинает исполнять сальто-мортале. Короткая передышка длиной в десять-пятнадцать секунд позволяет мне привести дыхание в норму, избавиться от мечтательного выражения на лице и убавить градус горения щек до умеренного. Учитывая бешеный отклик моего тела на один вид этого человека, о большем я пока и не мечтаю.

Этим утром я просыпаюсь даже раньше, чем обычно. В девять меня ждет съемка для бренда спортивной одежды, с которым у меня завершается четырехлетний контракт, а потом нужно забежать в университет – перед началом учебного года в деканате хотят уточнить мой график посещений.

Пока меня фотографируют в ярких нарядах из новой коллекции Ambre, в чат группы скидывают обновления по открытым прокатам. Оказывается, я вместе с Ломакиной, Быстровой и Ваней Леоновым в сопровождении Виолетты Владимировны и Вернера улетаю в Сочи уже в эту среду. При виде фамилии Никиты Сергеевича в животе мгновенно возникает странное тянущее ощущение, но оно уже не кажется таким пугающим и ошеломляющим, как на прошлой неделе. Не зря говорят, что привыкнуть можно ко всему – даже к влюбленности в своего тренера.

В Академию я добираюсь только к четырем и сразу попадаю на вечернюю разминку. Как следует разогрев мышцы и растянувшись, выхожу на лед и почти физически ощущаю царящее здесь напряжение. Все участники контрольных прокатов заметно нервничают, а меня вдруг накрывает полный дзен. Возможно, потому что для меня это не в новинку – я уже в четвертый раз принимаю участие в этом мероприятии ФФКР, а девочки только вышли из юниоров. А может быть, все дело в том, что личные переживания в этом году затмевают собой мое спортивное волнение. Как бы то ни было, я спокойно катаю обе программы, сделав лишь едва заметную помарку на выезде с тройного флипа в произвольной.

Никита Сергеевич появляется на катке под занавес тренировки, когда Виолетта Владимировна собирает всех вокруг себя и дает нам общие указания. Несмотря на порцию здоровой критики, она вкладывает в свои слова заряд мотивации для каждого из нас и вселяет уверенность в собственных силах. После Суворовой выступает Вернер, напоминая график вылета команды в Сочи, а потом ребята предлагают сделать общую фотографию для архива.

Как-то совершенно неожиданно я оказываюсь стоять рядом с Никитой Сергеевичем, который, улыбаясь, вытягивает руку за моей спиной, чтобы обнять.

Паника. Это единственное слово, которым можно описать мое состояние в это мгновение. У меня нет времени думать и рассуждать. Я инстинктивно дергаюсь, делаю несколько шагов влево, теряю равновесие на скользком льду и оказываюсь в объятиях Вани Леонова.

– Романова, – поддевает меня Виолетта Владимировна. – Будь любезна, не повторяй подобные па на открытых прокатах.

Под дружный смех группы я заливаюсь краской смущения и прячусь под боком у Вани, но перед этим успеваю бросить взгляд в сторону Вернера.

Он не улыбается. О нет, он вовсе не улыбается. Со странным выражением, которое я могла бы описать смесью злости и раздражения, он смотрит прямо на меня. Почувствовав головокружение от его внимания, я мертвой хваткой вцепляюсь в плечо Леонова, потому что если останусь без поддержки – просто упаду.

Глава 8

Время до открытых прокатов в Сочи пролетает незаметно, и вот я уже еду в аэропорт, с легким волнением предвкушая первые за долгое время публичные выступления.

Вся наша группа уже зарегистрирована на рейс, поэтому я с чемоданом для ручной клади, в котором лежат коньки и тренировочный комбинезон, сразу иду на досмотр. Там я сталкиваюсь с Лизой Ломакиной и Мариной Быстровой, которые в компании врача Академии ждут своей очереди, и ребятами-парниками из школы «Москвич». Обменявшись скупыми приветствиями, после досмотре мы вместе идем в зал ожидания, куда постепенно стекаются все остальные: Ваня Леонов, моя приятельница Маша Калинина из ЦСКА, с которой мы когда-то начинали тренироваться на одном катке на окраине Москвы, сильнейший одиночник сборной Дима Зотов с тренером, брат и сестра Грачевы, считавшиеся второй парой в танцах. Когда до посадки остается всего десять минут, у выхода на посадку появляется и Никита Сергеевич.

В модном спортивном костюме и кроссовках, с взлохмаченными светлыми волосами, он словно сходит с модной картинки в молодежном журнале. Мое сердце пропускает удар, но я изо всех сил сохраняю непроницаемое выражение лица и даже выдавливаю из себя приветливую улыбку.

– Виолетта Владимировна прилетит утренним рейсом, – сообщает Вернер нам с девочками после короткого приветствия. – У нее проблемы личного характера.

Что ж, это значит, что до завтра за старшего в группе остается он.

В салон самолета я захожу одной из последних. За мной идут только Марина Быстрова, сам Вернер и Грачевы. Ищу взглядом свой ряд и место и замечаю, что с моей стороны уже сидит наш врач, а с противоположной – Ломакина и Леонов. Быстро прикинув, что если сяду на место, указанное в моем посадочном, то с большой вероятностью два часа полета проведу в компании Вернера, я прыгаю в свободное кресло рядом с Ваней.

Это ребячество, но кто меня осудит? Сохраняя дистанцию между собой и Никитой Сергеевичем, я делаю благое дело для всей группы.

– Тут мое место, – капризно говорит Марина, протягивая мне посадочный.

– Сможешь посидеть на моем? – прошу я, с мольбой глядя ей в глаза. – Я хотела обсудить кое-что важное с Ваней.

Быстрова пожимает плечами и усаживается в предназначенное для меня кресло, а я под немигающим взглядом Вернера, который становится молчаливым свидетелем этой сцены, демонстративно разворачиваюсь к Леонову и спрашиваю про видеоигру, о которой он трещал всю прошлую неделю.

Полет проходит как в тумане. Мой собеседник засыпает, едва самолет набирает высоту, нарушая все мои планы. Какое-то время я тоже пытаюсь делать вид, что сплю, но, в конце концов, отрываю глаза и беру в руки бортовой журнал. Строчки прыгают у меня перед глазами, и я вынуждена читать каждое слово по несколько раз, чтобы до меня дошел их смысл. В бессилии захлопнув журнал, я украдкой бросаю взгляд на место через проход от меня.

Никита Сергеевич, удобно устроившись в кресле, читает книгу, не обращая на меня никакого внимания. Это отличный шанс рассмотреть его как следует, но я не готова рисковать быть пойманной. В итоге, опускаю глаза на его длинные пальцы, сжимающие книжный переплет, а потом ловлю себя на том, что десять минут изучаю шнурки на его кроссовках, всерьез размышляя о том, какого цвета у него носки.

В гостиничный номер я заселяюсь вместе с Викой Грачевой из танцев. Мы не слишком близко знакомы, так что для меня это отличный вариант. Можно не бояться, что она будет лезть мне в душу, а я ненароком сболтну что-нибудь лишнее.

О полноценной тренировке сегодня не идет и речи, но около восьми вечера нас на автобусах вывозят на тренировочную арену недалеко от ледового дворца «Айсберг», чтобы мы освоились на новом льду. Покатавшись в свое удовольствие, я несколько раз захожу на каскад и аксель, приземляя их без особых проблем, а потом тренирую вращения.

Ночью я сплю как младенец. Вика оказывается неплохой девчонкой и весь вечер развлекает меня забавными историями с тренировок, даже не подозревая, что тем самым спасает меня от запретных грез о мужчине, который в это самое время находится в номере через несколько дверей от нашего.

Следующее утро начинается с завтрака и встречи с Виолеттой Владимировной, которая, несмотря на прилет утренним рейсом, выглядит сногсшибательно. Когда она поднимается к себе в номер чтобы переодеться, к нам с девочками спускается Вернер. Все еще с влажными после душа волосами, которые в беспорядке падают ему на лицо, в простой белой футболке с логотипом модного бренда и джинсах он выглядит невероятно привлекательно. Мое глупое сердце сладко сжимается, а ладони начинают потеть с такой силой, что я всерьез думаю, что внезапно в помещении перестали работать все кондиционеры.

– Возьми, – я не сразу понимаю, что Никита Сергеевич обращается ко мне, поэтому несколько мгновений в замешательстве смотрю на его протянутую руку, в которой зажат белый листок. – Твое расписание.

С горящими щеками, я забираю у него лист и, пробегая по нему глазами, с облегчением думаю, что день будет таким насыщенным, что времени на всякие глупости у меня просто не останется.

По давно заведенной традиции контрольные покаты сборной идут два дня: в первый фигуристы показывают короткую программу, во второй катают произвольную. В этом году отрывают программу танцоры, следом – мужчины, спортивные пары и закрывают вечер выступления женщин.

На утренней тренировке в день короткой программы у меня получается буквально все. Выезжая с катка, я чувствую, как крепнет моя уверенность в себе, и с улыбкой встречаю сдержанную похвалу Виолетты Владимировны и Вернера.

До старта остается меньше двух часов, поэтому вся наша группа перемещается в буфет, а потом в спортивный зал. К моему облегчению, там к нам присоединяется только Суворова.

Заткнув уши наушниками, я методично выполняю упражнения на координацию и растяжку. Тренер по очереди общается со мной, Лизой и Мариной, делая последние замечания к программам, а когда до выхода на лед остается пятнадцать минут, я отпрашиваюсь в туалет, который находится в ста метрах по коридору.

Туалет оказывается занят, и я, памятуя свои прошлые соревнования в «Айсберге», решаю пройти еще двести метров до следующего, расположенного в самом конце служебного крыла. Все идет хорошо ровно до того момента, пока я не покидаю безопасное уединение уборной. На полпути к спортивному залу мое внимание привлекают две фигуры в затемненном углу коридора. Мужчина стоит ко мне спиной в толстовке с натянутым на голову капюшоном, девушка с длинными золотистыми локонами что-то шепчет ему на ухо. Я не могу рассмотреть их как следует, но это и не требуется – что-то неуловимо знакомое в фигуре и движениях не позволяет мне усомниться, что передо мной Вернер и та самая блондинка, которую я видела с ним на пороге Академии.

Теперь я точно знаю, кто она. Катя Сорокина – женская половина первого танцевального дуэта страны, которая уже успела выступить на прокатах, и может себе позволить откровенно наслаждаться обществом моего тренера.

В первое мгновение мне кажется, что меня со всей силы ударили под дых. От захлестнувшей изнутри волны чувств – боли, обиды, ревности и отчаяния – становится физически

нехорошо, и я хватаюсь за стену, чтобы устоять на ногах. Тяжело принять тот факт, что Никита Сергеевич никогда не будет моим. Но смириться с тем, что он может быть чьим-то еще, оказывается выше моих сил.

Я знаю, что мне нужно уйти, но оставаясь незамеченной, я с удовольствием мазохистки наблюдаю, как Катя кладет руку с красивым маникюром на затылок Вернера, поглаживая плотную ткань капюшона, а потом поднимается на носках, с явным намерением его поцеловать.

Где-то вдали раздаются чьи-то шаги. Этот простой звук выводит меня из оцепенения, и я со всех ног бросаюсь в спортивный зал, на бегу смахивая с щек горячие слезы.

Глава 9

Вернер так и не появляется в тренировочном зале. На моей памяти, это первый случай, когда он пренебрегает своими непосредственными обязанностями. Очевидно, объятия с Сорокиной для него оказываются важнее, чем я, Марина и Лиза вместе взятые.

Игнорируя обеспокоенные взгляды Виолетты Владимировны, которые она бросает на меня с того момента, как я ворвалась в зал, дрожащими пальцами всовываю беспроводные наушники и включаю музыку на максимум.

Мне пора надевать коньки, потому что до разминки на льду остаются считанные минуты, но бешеный адреналин внутри не позволяет мне остановиться. Я хорошо себя знаю – стоит мне дать слабину, как я тут же расклеюсь. Поэтому я бегаю по кругу. Тренирую прыжки на паркете. С маниакальным упорством растягиваюсь. Но как ни стараюсь, не могу изгнать из головы видение двух стройных, прижимающихся друг к другу тел.

Вот Никита Сергеевич обнимает Сорокину. Вот ее тонкая рука скользит по его широкой груди. Вот он с нежностью в глазах смотрит на нее и наклоняется, чтобы поцеловать…

Прекрати, прекрати сейчас же!

Зажимаю пульсирующие виски пальцами, отчаянно пытаясь вернуть самообладание, но от слез, застилающих глаза, спасения не нахожу. Сжимаю переносицу и часто-часто моргаю. Мне ни в коем случае нельзя плакать. На льду камеры, зрители, все сливки ФФКР[1], а мне после провального прошлого сезона дали шанс доказать, что я чего-то да стою. Почему, черт возьми, Вернер появился в моей жизни так некстати?

Делаю глубокий вдох и медленный выдох. Слезы отступили, но грань, которая отделяет меня от срыва, настолько тонкая, что я боюсь сделать одно неосторожное движение, чтобы ее не перейти.

С остервенением шнурую коньки и перематываю их скотчем, надежно фиксируя на ноге. Потом. О нем я подумаю потом. Единственное, что должно заботить меня сейчас – мое выступление.

Вернер на арене. Я замечаю его на привычном месте у бортика, когда отдаю чехлы от лезвий на коньках Виолетте Владимировне. Он ловит мой взгляд и коротко кивает, словно ничего не произошло. С болезненной обреченностью я вдруг понимаю, что для него действительно ничего не изменилось – это только мой мир разлетелся вдребезги.

Я буквально заставляю себя выйти на лед. Понимаю, что нужно сосредоточиться, сжать себя в кулак и сделать то, что я умею, выкинув из головы любые воспоминания о Никите Сергеевиче. Но вместо этого мои глаза приклеены к бортику, где он стоит в компании Суворовой и нашего врача, а сердце мучительно екает, когда я проношусь в непосредственной близости от него.

Шесть минут разминки. Три минуты выступления. Конечно, я могу выдержать это.

Стискиваю зубы, взывая к своей внутренней Жанне Д'Арк, делаю свой фирменный каскад и перехожу на вращения.

Обычно я ищу поддержку в лице Виолетты Владимировны, но сегодня ничто не может заставить меня оторваться от созерцания Вернера. Вот он что-то говорит Суворовой, вот забирает спортивную куртку из рук Лизы, вот смеется и проводит рукой по волосам.

Если бы только он не был таким красивым! Таким обаятельным. Живым. Талантливым. Харизматичным и настоящим. Как бы мне хотелось, чтобы мужественность и сила, исходившие от каждой клеточки его тела, не били наотмашь по моим чувствам. Чтобы я могла оставаться равнодушной, когда он обнимает других. Чтобы…

---

[1] ФФКР – Федерация фигурного катания России

Противный скрежет лезвий по льду вырывает меня из омута фантазий. Резко оглянувшись по сторонам, я торможу, едва избегая столкновения с заходящей на четверной прыжок Быстровой.

Пробормотав сбивчивые извинения, я пытаюсь сбросить с себя опасное оцепенение и уже осторожнее еду на новый круг.

Прокат короткой программы я полностью заваливаю. Хуже я катала только на прошлогоднем Чемпионате России, хотя, вполне возможно, сегодня переплюнула даже то «великое» достижение. Я падаю с каскада и акселя, кое-как устояв на флипе, спотыкаюсь на дорожке, а финальное вращение даже не успеваю закончить в музыку. К бортику возвращаюсь в полном раздрае, все еще не до конца понимая, что только что произошло, но предвкушая выволочку, которую устроит мне Суворова, и сенсацию, которую из всего этого сделают журналисты, в очередной раз отправив меня на пенсию.

Резко натягиваю на коньки чехлы и с неожиданной ненавистью смотрю на Вернера, игнорируя попытку Виолетты Владимировны обнять меня. Борясь с жжением в глазах, набрасываю на плечи свою олимпийку и, не оглядываясь, бегу в раздевалку.

Впрочем, бежать мне не стоит – за мной никто не идет. После меня выступает Лиза – смотреть на нее и ее тройной аксель, куда приятнее, чем разговаривать с неудачницей, которая отчаянно цепляется за карьеру фигуристки.

Глава 10

Один, два, три, четыре… Семнадцать… Двадцать пять… Тридцать… Семьдесят восемь.

Механический счет. Свист скакалки. Прыжок. Свист скакалки. Прыжок.

Девяносто, девяносто один…

Со стороны я, должно быть, похожа на заводную куклу, которая прыгает, пока не кончится заряд, но именно так я себя и ощущаю: как бесполезная сломанная Барби, место которой осталось далеко в прошлом.

Когда я в растрепанных чувствах убежала с ледовой арены и спряталась в этом маленьком спортивном зале, я не представляла, что буду делать. Рыдать? Кричать? Биться головой об стенку? Внутри все звенело от напряжения, а душевная боль, кислотой выжигающая внутренности, казалась нестерпимой. Мне хотелось драться, кусаться, орать, что есть сил, но вместо этого я схватила со скамейки скакалку и начала прыгать.

Девяносто девять. Сто… Сто двенадцать.

Я чувствую опустошение, усталость, растерянность. Эмоционально я на стадии выгорания. И ноги меня не держат, и по спине бежит струйка пота, но остановиться я не могу. Боюсь, что если сделаю это, что-то окончательно сломается во мне, а я к этому не готова. Что-то и так уже сломалось во мне там, в полумраке коридора…

Сто семьдесят…

Я погружена в себя, но слышу, нет, скорее физически ощущаю, что в зал открывается дверь. Даже это не заставляет меня остановиться и оглядеться. Я просто знаю, что больше не одна.

Сто семьдесят три. Сто семьдесят четыре.

– Хватит, – произносит низкий, вибрирующий, до боли знакомый, до дрожи в коленках любимый голос.

– Я хочу побыть одна, – задыхаясь, бросаю я.

Сто восемьдесят.

По паркетному полу Вернер двигается почти бесшумно, но я ощущаю, что с каждой секундой он становится все ближе.

Сто восемьдесят три.

Крепкое прикосновение к моему локтю, легкий толчок и рассекающий воздух свист скакалки, которая вот-вот исполосует мое тело. Я жмурюсь, ожидая неминуемой боли, но ее нет, а в следующее мгновение скакалка оказывается выдернутой из моих рук и отброшена на пол.

– Достаточно.

Жадно хватая ртом воздух, я открываю глаза.

Никита Сергеевич стоит в метре от меня, не делая ни единой попытки заговорить, а у его ног валяется моя скакалка. Его лицо спокойно и расслабленно. В глазах нет ни жалости, ни злости. Уже за это я ему благодарна. За то, что не жалеет. Жалость от него все только усугубит, а мне жизненно необходимо выпустить пар. И скакалка этому лишь жалкая прелюдия.

Он делает шаг, потом еще один, останавливаясь строго напротив меня. Как бойцы на ринге, приходит мне в голову дикое сравнение.

Все напряжение последних недель, горькое послевкусие проваленного проката и жгучая-жгучая ревность – все это обрушивается на меня одним махом. Барьеры приличия, сдерживающие меня, падают, и первая яростная вспышка, такая яркая, что затмевает мой разум, буквально ошеломляет меня.

– Уйдите, – севшим от эмоций голосом прошу я, мысленно умоляя тренера дать мне пространство и время, чтобы прийти в себя, чтобы перетерпеть эту злость, подумать.

– Нет, – категорично отвечает он.

Перед глазами у меня мерцают красные огоньки, и где-то на границе сознания я думаю, что, наверное, так чувствует себя бык на родео, когда перед ним размахивают красной тряпкой.

– Пожалуйста, – мой голос похож на писк.

Но Вернер не сдвигается с места.

Напряжение, повисшее в воздухе, достигает апогея. Сердце наливается свинцовой тяжестью. Что-то взрывается внутри меня. Что-то незнакомое. Страшное. Пугающее.

Я больше не Арина, прилежная ученица, чемпионка, хорошая девочка, которая всегда слушает старших, а Вернер не мой наставник, старший друг, даже не герой моих фантазий. Он просто человек, который оказался рядом тогда, когда я больше всего в нем нуждаюсь. И я, совершенно не отдавая себе отчет в своих действиях, замахиваюсь и бью его.

Этот первый неловкий удар попадает прямо в широкую грудную клетку. Потом еще один, и второй, отметившийся у предплечья. Вместе с каждым новым ударом я отчаянно надеюсь, что он остановит меня. Но он этого не делает. Не останавливает. Не отталкивает. Даже не уклоняется от моих ударов. И это его смирение становится последней каплей – я окончательно слетаю с катушек, перестаю различать оттенки, мысли покидают мое тело. Я бью, а он стоит и молчит, позволяя мне выплеснуть всю ту желчь, накопившуюся во мне, и в глазах его горечь, которая не имеет ничего общего с физической болью.

То, что происходит сейчас, за гранью отношений тренер – ученица. Я это понимаю. Знаю, что он понимает тоже. Тогда что это? Разрядка? Зарядка? Логический финал?

Я не представляю, сколько времени проходит – часы, минуты, доли секунды. Знаю только, что настает момент, когда моя истерика начинает угасать: злость выдыхается, руки безвольно повисают вдоль тела, а глаза жжет от наводняющих их слез. И только тогда Никита Сергеевич начинает двигаться – берет мои холодные дрожащие пальцы в свои ладони и сжимает. Его прикосновение теплое, крепкое и надежное, вселяющее в меня ложную уверенность, что пока он рядом, со мной не случится ничего плохого.

– А теперь возьми себя в руки, – командует он, будто бы всего минуту назад это не он выступал мишенью моей ярости. – Скоро придут девочки и Виолетта Владимировна.

Наши взгляды встречаются. Нежность в его глазах повергает меня в такое смятение, что я спешу отвернуться. Все еще не доверяю себе. И лишь только-только начинаю осознавать, что натворила.

Стараясь не делать резких движений, высвобождаю свои руки и делаю пару неуверенных шагов назад.

О, Господи!

Я никогда, никогда в жизни не обидела ни одно живое существо. Как я могла поднять руку на своего тренера?

– Я… Извините… – мне с трудом удается выдавить из себя эти слова, а в следующий миг в зал действительно заходят Виолетта Владимировна с Лизой и Мариной.

Глава 11

Укутавшись в тонкий плед, я сижу на балконе номера, глядя, как на горизонте догорает и утопает в море закат. Несмотря на тяжелые события уходящего дня, я ощущаю необъяснимое умиротворение. Может быть, потому, что все, чего я боялась, уже произошло?

– Тебе не обязательно выступать завтра, – Вика ставит на столик рядом со мной чашку травяного чая и опускается в плетеное кресло по соседству. – Ты всегда можешь сняться.

Все-таки хорошо, что я живу именно с Грачевой. Она словно из другой вселенной, где все проще, – в нашей группе никому и в голову не придет сняться, пока ты в состоянии передвигать ноги.

– Я не могу сняться, Вика, – со вздохом говорю я. – Как бы мне ни хотелось бросить все и вернуться в Москву первым же рейсом, слишком многое поставлено на карту. Я должна выйти.

– Ну, вот, – она добродушно улыбается. – Теперь я узнаю Арину Романову. А то расклеилась из-за пары падений. Вон Марина Быстрова тоже упала.

– Она упала с тройного акселя, а я с двойного и лутца, – уточняю я с печальной иронией. – Нашла чем утешить.

– А я и не утешаю тебя, – фыркает она, беспечно пожимая плечами. – Посмотри на это с другой стороны. Завтра у тебя будет шанс показать всем настоящую Арину Романову – чемпионку мира и Европы.

– Я выигрывала их три года назад, – напоминаю я. – С тех по многое изменилось. Может быть, та, что сегодня протерла лед своей пятой точкой, и есть настоящая Арина Романова.

– Ой, сама хоть веришь в то, что говоришь? – Вика картинно закатывает глаза. – Все в сборной знают, что ты боец, а неудачные дни бывают у каждого.

Делаю глоток чая и вновь смотрю на темнеющее небо. Неудачный день звучит как насмешка над тем, что приключилось со мной сегодня. Еще никогда, даже после непопадания на главные старты в прошлом году, я не чувствовала себя настолько растерянной. Тогда я была уверена в своей способности бороться, а сейчас не представляю, что ждет меня дальше.

Конечно, побег – это не мой путь. Выступить завтра, и выступить хорошо, я должна не только для себя, но и для Суворовой, которая, несмотря на наличие юного отряда с трикселями и четверными, не списала меня со счетов и наравне со всеми готовила к новому сезону. И даже для Никиты Сергеевича. Он же не виноват, что я так неосторожно влюбилась и не могу контролировать свои эмоции, когда он рядом. Он всегда был добр ко мне. Приходил на помощь. Поддерживал и оберегал. Уж конечно он не заслужил… всего этого.

Тру щеки руками, отгоняя от себя воспоминания о постыдной сцене в спортивном зале. За нее мне еще предстоит попросить прощения, а пока надо взять себя в руки. Сыграть свою роль завтра как нельзя лучше, а потом уже принимать какое-то решение. Я не отплачу людям, которые верили в меня и долгие годы вели к победам, такой черной неблагодарностью. И не важно, придется ли мне потом уйти или остаться, смирившись с тем, что подружки Вернера будут у меня перед глазами, он никогда не узнает, что каждый день разбивает мне сердце.

Склоняюсь в поклоне, благодаря зрителей за поддержку, и мысленно ставлю себе «удовлетворительно» за произвольную программу. Пусть сегодня я катала без особого огня, но, по крайней мере, не упала с прыжков и выдержала нарастающий темп музыки. Было непросто настроить себя, но я справилась.

Виолетта Владимировна встречает меня у бортика в гордом одиночестве. На ее сосредоточенном лице тень одобрения, но она лишь кивает, передавая мне чехлы для лезвий. Я не жажду встречаться с Никитой Сергеевичем, но внутри меня все сжимается от осознания, что, скорее всего, теперь так будет постоянно.

Когда я покидаю арену, на ходу раздавая автографы юным поклонницам, вижу Вернера с Лизой Ломакиной. Она выступает через пять минут и, видимо, именно он готовил ее к выходу. Острая ревность пронзает сердце, но я с высоко поднятой головой прохожу мимо, делая вид, что их не замечаю.

За весь оставшийся день я больше ни разу не сталкиваюсь с Никитой Сергеевичем – он не появляется ни в автобусе, который везет нас в отель, ни в лобби, где мы ужинаем. Допускаю, что он избегает меня, но больнее и, скорее всего, реалистичнее мысль о том, что он приятно проводит свободное время с Катериной Сорокиной.

В Москву мы тоже улетаем без него. Когда я осторожно интересуюсь у Виолетты Владимировны, почему с нами в самолете нет младшего тренера, она равнодушно отвечает, что он задержится в Сочи еще на пару дней и вернется к работе в Академии в среду.

Два дня до возвращения Вернера я мониторю его Instagram и отметки, надеясь узнать о нем хоть что-то новое, но все безрезультатно. В конце концов, я делаю то, что обещала себе никогда не делать – захожу на страницу Сорокиной, чтобы убедиться, что в Сочи задержался не только Вернер, но и она.

Вечером во вторник, уже засыпая в своей кровати, я обещаю себе принять его выбор и держаться от него на максимальном расстоянии. Впрочем, уже к концу следующего дня понимаю что, особенно это и не требуется – Никита Сергеевич сам ведет себя крайне отчужденно, и, хотя это причиняет мне боль, я не могу не признать, что так проще.

Нет, на людях все вполне пристойно. Он, как и прежде, дает комментарии к моим прокатам и ставит задачи, но легкость, теплота и дружелюбие исчезают из наших взаимоотношений. Мы больше не остаемся одни, и он не приближается ко мне без особой на то надобности. Впрочем, чего я ожидала после того, как буквально избила его?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.